

НАТАЛЬЯ ШПЕТНАЯ

Толубой ветер

ВАСИЛИЯ ЕРОШЕНКО

Наталья Шпетная

Голубой ветер Василия Ерошенко

«Автор»

2026

Шпетная Н. К.

Голубой ветер Василия Ерошенко / Н. К. Шпетная — «Автор»,
2026

Слепой мальчик из курской Обуховки потерял зрение, но не потерял мир. Он научился слышать дорогу, говорить на разных языках, читать людей по голосам и идти туда, куда зрячие часто боятся смотреть. «Голубой ветер Василия Ерошенко» — художественный рассказ Натальи Шпетной, основанный на фактах жизни удивительного русского писателя, музыканта, эсперантиста и странника Василия Ерошенко. От деревенского детства до Японии и Китая, от московского училища для слепых до встреч с писателями Востока — перед читателем разворачивается судьба человека, который доказал: настоящая зрячесть начинается не с глаз. Это история о свободе, памяти, дороге и внутреннем свете. О человеке, которого невозможно свести только к слепоте, странствиям или сказкам. Он хотел, чтобы люди слышали друг друга — и сам стал голосом голубого ветра, проходящего над теми, кто не боится чужой дороги.

© Шпетная Н. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Чем пахнет дорога	5
2. Мальчик, который слышал свет	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Наталья Шпетная

Голубой ветер Василия Ерошенко

1. Чем пахнет дорога

В Обуховке ветер всегда был грамотнее людей.

Он умел читать рожь, когда та еще не выбросила колос; читал на речной воде следы гусей; читал по крышам, где хозяин ленив, а где вдова всю ночь не спала и до рассвета штопала ребячьи рубахи. Ветер знал, в каком доме хлеб кислый, где под полом прячут самогон, а где в сундуке лежит письмо из дальнего края, написанное такими знаками, что местный почтальон, человек суровый и почти непьющий, однажды сказал:

– Это не письмо, а тараканы строем идут.

Письмо было адресовано Василию Яковлевичу Ерошенко.

К тому времени он уже вернулся в родное село: невысокий, сухой, с седой бородкой, в которой упрямо держалась рыжинка, с лицом усталым и спокойным. Глаза его, закрытые слепотой с детства, смотрели не на людей, а как будто сквозь шум мира – туда, где всё еще продолжалась дорога.

Я впервые увидел его в мае пятьдесят второго года. Вернее, он меня услышал.

Меня звали Андрей Белов, двадцать три года, учитель словесности в семилетке, выпускник педагогического училища, обладатель одного хорошего пиджака, двух плохих стихотворений и такой самоуверенности, какая бывает только у молодых людей, еще ни разу не опозорившихся по-настоящему.

В сельсовете мне поручили зайти к Ерошенко.

– Ты парень книжный, – сказал председатель, подсовывая мне под локоть стопку учетных карточек. – Разберешь там бумаги. У него рукописи, письма, черт ногу сломит. Только смотри, старика не утомляй. Он человек известный.

– Насколько известный? – спросил я.

Председатель почесал затылок.

– Ну... японцы его знают. Китайцы знают. Эсперантисты знают.

– А мы?

– А мы тоже узнаем, – сказал председатель с деловым оптимизмом. – После описи.

Так началось мое знакомство с человеком, который, будучи слепым, видел больше стран, чем весь наш районный комитет вместе взятый; который писал сказки по-японски, говорил с китайскими литераторами о свободе, преподавал слепым детям в Туркмении и спорил с полицейскими на таком количестве языков, что сами полицейские, по его словам, «теряли охоту к аресту из-за грамматических затруднений».

Домик его стоял на краю села. Перед крыльцом росла старая груша, ветвистая и немного насмешливая: каждый год она обещала урожай, потом вдруг передумывала и давала три кри-вые груши – зато с таким ароматом, будто в них кто-то спрятал июль.

Дверь открыла сестра Василия Яковлевича, Александра. Маленькая, быстрая, с глазами, в которых навсегда поселилась тревога о брате.

– Вы от школы?

– От сельсовета, – сказал я и сразу понял, что это прозвучало хуже.

Из комнаты донесся голос:

– Саша, если от сельсовета, дай ему стул покрепче. У власти, как известно, тяжелый взгляд, а у ее представителей – тяжелые портфели.

Я вошел.

Он сидел у окна. На коленях лежала тонкая книжка с выпуклыми точками. Пальцы его двигались по строкам почти нежно, как музыкант касается струн перед тем, как заиграть.

– Андрей Белов, – представился я. – Учитель.

– А, учитель, – оживился он. – Значит, человек, который объясняет детям, что Пушкин велик, а дети потом всю жизнь думают, что это был высокий человек?

Я растерялся.

– Я стараюсь...

– Старайтесь не слишком, – сказал он. – Дети не любят, когда им доказывают очевидное. Садитесь. Вы пришли описывать мои бумаги?

– Да.

– Тогда предупреждаю: среди них есть опасные.

– Политические?

– Грамматические. Один лист написан по-английски, на обороте японское стихотворение, поля испещрены эсперанто, а в углу китайский адрес. Если вы попытаетесь навести порядок слишком решительно, бумага обидится.

Он говорил тихо, но каждое слово было на месте. В его голосе слышалась усталость, а под ней – веселая пружина.

На столе лежали предметы, совсем не похожие на вещи сельского старика: потемневший японский веер, маленький латунный колокольчик, обрывок шелкового шнура, бамбуковая палочка, пачка писем, перевязанных лентой, и бумажный фонарик, сложенный так искусно, что казался спящим насекомым.

– Вот с этого начните, – сказал он и коснулся фонарика. – Только осторожно. Он старше вашей уверенности.

– Откуда он?

– Из Токио. Или из памяти. Это не всегда разные места.

Я записал: «Фонарик бумажный, японский». Перо скрипнуло.

– Плохо, – сказал Ерошенко.

– Что плохо?

– Вы написали «японский» так, будто приговорили его к национальности. Фонарик, Андрей, служил мне в Японии, потом пережил высылку, Китай, Москву, Туркмению и Обуховку. Он интернационалист.

Я улыбнулся, а он вдруг поднял голову.

– Вы смеетесь глазами. Это хорошо. У многих смех только зубной.

За окном ходил майский ветер. Он шевелил занавеску, трогал бумаги на столе, будто хотел сам прочесть их. Я тогда еще не знал, что буду приходить к Василию Яковлевичу почти каждый день. Не знал, что в этих бумагах найду не только рукописи, но и тайну – маленькую, человеческую, упорную, как семя в сухой земле.

И уж конечно, не знал, что однажды слепой старик попросит меня:

– Андрей, найдите мне голубой ветер.

Я решил, что он бредит.

Но он не бредил.

Он вспоминал.

2. Мальчик, который слышал свет

Василий Ерошенко родился в 1890 году в слободе Обуховке Курской губернии, там, где чернозем так жирен, что сапог выходит из него как ложка из густой каши. Семья была крестьянская, многодетная, крепкая. Отец, Яков, человек молчаливый и работающий, верил в три вещи: землю, Бога и то, что дети должны рано вставать. Мать умела петь так, что даже куры переставали спорить.

– Я помню свет, – сказал мне однажды Василий Яковлевич. – Не картины, нет. Мне было четыре года, когда корь забрала глаза. Но свет помню. Он был теплый. И еще помню красное пятно – может, платок матери, может, огонь в печи. С тех пор красный для меня пахнет дымом и молоком.

Он ослеп после болезни. В деревне слепота была не только бедой, но и приговором к неподвижности. Слепых жалели, кормили, иногда учили плести корзины или молиться дольше прочих. Но Вася не принял приговора. Он был упрям.

– Я сперва думал, – говорил он, – что если побежать быстро, слепота отстанет. Бегал. Падал. Разбивал колени. Потом понял: отстать может не слепота, а страх.

Его отправили в Московское училище для слепых. Представьте себе мальчика из слободы, который впервые слышит Москву: копыта, колокола, трамвайный звон, чужие речи, шелест платьев, запах керосина, мокрой мостовой, книжной пыли. Для зрячего город – стены и вывески. Для слепого – музыка препятствий.

В училище он выучился читать рельефно-точечным шрифтом, освоил музыку, играл на скрипке. Музыка сначала показалась ему честнее людей: она не притворялась видимой.

– Скрипка, – говорил он, – это такая женщина, которая не прощает фальши и потому незаменима для воспитания характера.

Там же он впервые почувствовал, что мир больше, чем деревня, губерния и даже Россия. Учителя говорили о Европе, о новых школах для слепых, о языках. Но настоящий ключ к миру дал ему не русский, не французский, не английский, а искусственный язык, придуманный для взаимопонимания людей, – эсперанто.

– Почему именно эсперанто? – спросил я.

– Потому что в нем было обещание, – ответил он. – Не империя, не рынок, не армия, а обещание: люди могут договориться без господина-переводчика. Для слепого это особенно важно. Нас всегда кто-нибудь «ведет». А я хотел идти сам.

Он говорил на эсперанто легко, как дышал. Позднее этот язык станет для него паспортом, мостом, убежищем, а иногда и уликой. Полиции разных стран не нравятся люди, которые умеют разговаривать поверх границ. У всякой полиции граница – любимая мебель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.